

Ирина Колобова
(Беларусь)

О ПОДЕЛКЕ «РОССИЙСКО–ПОЛЬСКОЙ» МОНЕТЫ ВАРШАВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

В первой половине XIX в. Варшавский (с 1834 по 1850) и Петербургский (с 1832 по 1841) монетные дворы осуществляли выпуск серии так называемых двуязычных «российско–польских» монет. Одной из целей этого проекта было введение в повседневную жизнь польского населения российского счёта.

На Варшавском монетном дворе чеканились в золоте: 3 рубля/20 злотых; в серебре: 1 ½ рубля/10 злотых, ¾ рубля/5 злотых, 30 копеек/2 злотых, 25 копеек/50 грошей, 20 копеек/40 грошей, 15 копеек/1 злотый, а также пробные 10 копеек/20 грошей, 5 копеек/10 грошей.

На Петербургском монетном дворе выпускались в золоте: 3 рубля/20 злотых; в серебре: 1 ½ рубля/10 злотых, ¾ рубля/5 злотых, 15 копеек/1 злотый.

Внешнее оформление этих монет – своеобразное свидетельство проявления одного из направлений репрессивной волны, которая развернулась после подавления Польского восстания 1830 – 1831 гг.

На аверсах монет вместо специального варианта герба, совмещавшего с 1816 г. геральдические символы Польши и России, появился общепринятый государственный герб Российской империи. Польский язык в монетной легенде сохранялся только в повторном определении номинала.

Номиналы в серебре петербургского производства не имеют обозначения монетного двора, но на аверсе под лапами орла проставлены инициалы минцмейстера – НГ (Николай Грачёв; 1825 – 1841) [2, с. 667]. Монеты же варшавского происхождения имеют обозначение монетного двора – MW.

На реверсе монеты в 30 копеек/2 злотых, кроме номинала и даты чеканки, отмечается количество химически чистого серебра – “чистаго серебра 1 зол. 25 ½

доли» (на монетах в 5 копеек/10 грошей, 10 копеек/20 грошей, 20 копеек/40 грошей такая легенда отсутствует).

Рассматриваемый далее номинал в 30 копеек/2 злотых выпускался только Варшавским монетным двором и был отчеканен в количестве 11 967 211 экз. (1834 – 23 636 экз.; 1835 – 2 228 723 экз.; 1836 – 2 589 406 экз.; 1837 – 1 543 713 экз.; 1838 – 1 977 961 экз.; 1839 – 2 037 011 экз.; 1840 – 306 129 экз.; 1841 – 1 260 632 экз.) [3, с. 108].

Монеты этой серии не только распространились на территории Беларуси, но и стали объектом интереса местных фальшивомонетчиков.

В фонде Минского уездного суда Национального исторического архива Беларуси (г. Минск) сохранилось дело “О фальшивой 30 коп. монете польского чекана, данной однодворцем Кашевским крестьянину Цехановичу. 19.10.1864 – 30.09.1865 (Ф. 159, оп. 1, д. 3841, 57 л.).

Это судебное дело иллюстрирует процесс обнаружения, следствия и определения наказания за причастность к фальшивомонетничеству в Российской империи XIX в.

Пострадавший в этом истории крестьянин казённой деревни Масюковщина (сейчас – в черте г. Минска) Теодор Данилов Цеханович на допросе 21.10.1864 г. показал, что «однодворец Даниил Кашевский дал ему... в задаток за нанятый у него сенокос... оловянную монету польскую 30 копеечную» [1, л. 3].

Даниил Иванов Кашевский, однодворец 2 Сторожёвского участка Минского уезда, проживающий в дер. Ратомка, 30.10.1864 г. свидетельствовал обратное, утверждая, что Теодору Цехановичу «подложной оловянной 30 копеечной польской монеты за сенокос не давал, но даны ему за таковой 30 копеек чистого серебра истёртые...» [1, л. 3 об.].

Свидетель этой сделки – крестьянин Черноусик – 30.10.1864 г. подтвердил, что по прибытии к Кашевскому «Цеханович спросил у него денег, следуемых за сенокосный луг, то Кашевский не имея денег, сказал: «на тебе покамест на водку 30 коп.», те же самые, которые мне ныне предъявлены, когда же мы возвратились домой, то сейчас же осмотрелись, что эта монета фальшивая, и за прибытием тысяцкого представили оную тысяцкому, при котором я эту монету разломил в цели дознания, действительно ли она фальшива» [1, л. 8].

При обыске в квартире Кашевского, находящегося под надзором полиции, «при самом тщательном осмотре... ни фальшивой монеты и билетов, ни инструментов для делания оных и вообще ничего подозрительного не найдено» [1, л. 11]. Параллельно были собраны сведения о личности обвиняемого. Опрошенные свидетели дали положительные отзывы и от имени одного из них – Степана Фёдора Маркевича, – записано, что Даниил Кашевский «занимается подёнными заработками, дурного за ним ничего не заметил и от других ничего предвзвешенного о нём не слышал, иногда только любит немного подхмелиться...» [1, л. 15].

Уездный суд принял решение: «монету... для испытания и уничтожения препроводить на Санкт–Петербургский монетный двор...» [1, л. 18–18 об.]. В свою очередь, из монетного двора в Минский уездный суд пришло уведомление о том, что «препровожденный... для испытания и уничтожения разломанный фальшивый 30 коп. по испытании на Монетном дворе действительно оказался фальшивым, оловянной композиции, весом 1 зол. 57 д., по сему и уничтожен введенным порядком» [1, л. 22].

Подделка монеты в соответствии с российским законодательством XIX в. каралась разными сроками каторжных работ, а также лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь или заключением на определённое время в смиренный дом.

В соответствии с этим 15.09.1865 г. уездный суд решил, что «при отсутствии доказательств к обвинению Кашевского в делании фальшивой монеты, нельзя признать его в том виновным, а как он не доказал от кого он имеет 30 коп. фальшивую монету, отданную крестьянину Теодору Цехановичу оказавшемуся фальшивую и оловянную... следует оставить [его] в подозрении... крестьянина Теодора Цехановича, получившего по незнанию фальшивую монету от однодворца Кашевского, доказавшего это свидетелями, ... ни к какому ответу не привлекать» [1, л. 41–41 об.].

Тем не менее, Минская Уголовная палата в скорости «определяет: однодворца Даниила Иванова Кашевского 57 лет, в поведении одобренного, за передачу фальшивой польского чекана монеты 30 коп. достоинства крестьянину Цехановичу... лишить всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, по неимению в Минской губернии рабочего дома, заключить в тюрьму на четыре месяца с употреблением его на самые тяжкие из установленных в сем месте заключения работы, а по окончании этого срока возвратить в общество... Объявления сего решения Кашевскому без права апелляции предписать Минскому уездному суду...» [1, л. 45–46].

Таким образом, документами зафиксирован факт присутствия в обращении фальшивой «русско-польской» монеты в 30 копеек/2 злотых, что, в свою очередь, пополняет перечень денежных номиналов российского рынка XIX в., которые подвергались подделке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 159. – Оп. 1. – Д. 3841. – О фальшивой 30 коп. монете польского чекана, данной однодворцем Кашевским крестьянину Цехановичу. 19.10.1864 – 30.09.1865.
2. Рябцевич, В.Н., *Нумизматика Беларуси*. – Минск: Полямя, 1995. – 687 с.: ил.
3. Уздеников, В.В., *Объём чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700-1917*. – М.: Малая Медведица, 1995. – 168 с.: ил.

Forgery „of Russian-Polish” coins Warsaw mint Summary

In the first half of the XIX century, Warsaw and St. Petersburg mints carried out a series of so-called bilingual “Russian–Polish” coins. One of the goals of this project was the introduction into everyday life of the Polish population of Russian cash account.

In the fund of the Minsk district court in the National historical archives of Belarus recorded the presence in circulation a fake “russian–polish” coin 30 kopeek/ 2. złote, which in turn enlarges the range of monetary denominations of the Russian market of the nineteenth century, which were fake.